

Irena Kapola

Чернильница 3

Irena Kapola

Чернильница 3

«Автор»

2026

Kapola I.

Чернильница 3 / I. Kapola — «Автор», 2026

Чтобы спасти город от Коллекционера, Анна жертвует человеческой формой, становясь фундаментом новой реальности. В финале трилогии герои поймут: высшая магия — это не власть над миром, а смелость жить в нем без права на черновик.

Содержание

Глава 2. Фундамент из стекла	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Irena Karola

Чернильница 3

Глава 1. Тяжесть тишины

Прошел год с тех пор, как пала Башня Архива. Год, который для города растянулся в вечность, а для меня сжался в одно мгновение. Когда ты строишь мир заново, время теряет свою линейность. Оно течет не стрелками часов, а ритмом сердец тех, кого ты пытаешься спасти.

Я проснулась до рассвета. Это стало привычкой. Сон больше не приходил легко — он был тяжелым, наполненным обрывками чужих жизней, которые я теперь несла на своих плечах. Библиотека, ставшая нашим штабом, спала. В огромном читальном зале царил тишина, но это была не та мертвая тишина Архива, где каждый шорох карался. Это была тишина отдыхающего дома. Пылинки танцевали в лучах уличных фонарей, пробивающихся сквозь высокие окна.

Я подошла к столу. На нем лежало Перо. Оно больше не светилось тем золотым огнем, как в день раста с Источником. Теперь оно выглядело обычным — серым, слегка потертым, словно им писали десятилетиями. Но я знала: в нем заключена сила, способная переписать реальность. Или уничтожить её.

— Не спишь? — голос Виктора прозвучал тихо из тени колонны.

Я не вздрогнула. Я чувствовала его присутствие еще до того, как он заговорил. Наша связь за эти годы стала глубже, чем просто слова.

— Думаю, — ответила я, беря Перо в руку. Оно было холодным. — Сегодня годовщина.

Виктор вышел на свет. Он постарел за этот год. Седина пробилась в висках, глубже стали морщины вокруг глаз. Но взгляд остался прежним — твердым, оценивающим.

— Люди готовят праздник, — сказал он, подходя к столу. — На площади устанавливают сцену. Хотят речь.

— Какую речь? — я положила Перо обратно. — Я не оратор, Виктор. Я солдат, который устал воевать.

— Ты символ, — мягко возразил он. — Им нужно видеть, что ты здесь. Что ты не исчезла, как Архивариусы. Им нужно знать, что свобода не временна.

Я вздохнула и подошла к окну. Город внизу просыпался. Огни в домах зажигались не по расписанию, а по желанию. Машины ехали не по маршрутам, а туда, куда нужно водителям. Хаос? Да. Но живой хаос.

— Они боятся, Виктор. Я вижу это в их глазах. Когда нет правил, люди ищут новые цепи. Вчера ко мне пришла женщина. Спросила, можно ли ей работать уборщицей в секторе, где она жила раньше. Я сказала: «Можешь делать что хочешь». Она заплакала. Ей нужен был приказ.

— Привычка — вторая натура, — сказал Виктор, наливая чай из термоса. — На изменение природы уходят поколения. У нас есть только мы.

— Этого недостаточно, — прошептала я.

В дверь постучали. Вошла Лира. Она выглядела боевой готовностью даже в мирное время. Её плащ был застегнут на все пуговицы, на поясе висели кинжалы.

— Совет собирается через час, — доложила она. — Сергей уже на месте. Каин приехал из внешних поселений.

— Что на границах? — спросила я, отворачиваясь от окна.

— Спокойно, — ответила Лира, но её пальцы барабанили по рукояти кинжала. — Слишком спокойно. Пустошь отступила. Трава растет там, где раньше была выжженная земля. Но разведчики сообщают о странных явлениях.

— Каких именно? — насторожилась я.

— Звуки, — сказала Лира. — Люди слышат музыку там, где нет источников. Видят тени, которые не отбрасывают контуров. И самое главное... Исчезают люди.

— Исчезают? — я почувствовала холодок вдоль позвоночника. — Похищения?

— Нет, — Лира покачала головой. — Они просто... стираются. Приходят домой, а их семьи говорят, что никогда их не знали. Документов нет. Воспоминаний нет. Будто их никогда не существовало.

Я посмотрела на Перо. Оно лежало неподвижно, но мне показалось, что оно дрогнуло.

— Это эффект Источника? — спросил Виктор.

— Или кто-то пользуется нашим соглашением, — мрачно сказала я. — Мы договорились, что мир будет свободным. Но свобода подразумевает право на ошибку. А если кто-то решил, что ошибка — это само существование этих людей?

— Нам нужно на Совет, — сказал Виктор. — Марк уже там.

— Марк? — я нахмурилась. — Ему нельзя быть там. Он еще ребенок.

— Ему пятнадцать, Анна, — напомнила Лира. — И его магия растет быстрее, чем у тебя в его возрасте. Он чувствует это раньше нас.

Я кивнула. Марк изменился за этот год. Он вытянулся, голос стал ломаться, но глаза остались прежними — глубокими, слишком взрослыми для его лет. Он был связан с Источником напрямую, так как именно через него я впервые почувствовала зов Архива.

Мы спустились в большой зал на первом этаже. Здесь раньше хранились редкие фолианты. Теперь стоял длинный стол, вокруг которого сидели представители районов. Инженеры, врачи, учителя. Люди, которые взяли на себя ответственность управлять хаосом.

Сергей стоял у карты города, расстеленной на столе. Он указывал на окраины.

— Здесь и здесь, — говорил он, когда мы вошли. — Три случая за неделю. Люди испаряются из реальности.

Каин сидел в углу, перебирая четки. Он выглядел очень старым. Пустошь забрала у него последние силы, но разум оставался острым.

— Это не похищение, — сказал он, не поднимая глаз. — Это коррекция.

— Кто корректирует? — резко спросила я, садясь во главе стола. Все замолчали.

— Мир ищет баланс, — ответил Каин. — Архив держал структуру жестко. Как корсет. Мы сняли корсет. Тело расслабилось, но позвоночник искривлен. Мир пытается выпрямиться сам. И лишние элементы... удаляются.

— Люди не элементы! — вспыхнула я. Удар ладонью по столу заставил карты подпрыгнуть.

— Для системы — да, — спокойно ответил старик. — Ты заключила сделку с Источником, Анна. Но Источник — это инструмент. У инструмента есть мастер. Мы договорились с механизмом, но не с тем, кто его создал.

В зале повисла тишина. Виктор посмотрел на меня. В его взгляде читалось подтверждение моих худших опасений.

— Первый Автор, — произнесла я тихо.

— Тот, кто написал первую строку, — кивнул Каин. — Архив был лишь секретарем. Черновиком. Когда секретарь ушел, Мастер заметил беспорядок на столе. И начал уборку.

— Он стирает тех, кто был создан Архивом? — спросил Сергей.

— Всех, кто не вписывается в новый замысел, — сказал Каин. — А новый замысел нам неизвестен.

Марк, сидевший рядом со мной, вдруг поднял голову.

— Он не злой, — сказал мальчик. Его голос звучал странно, словно эхо доносилось из колодца. — Он просто... рисует. И если краска мешает, он ее счищает.

— Марк, — я положила руку ему на плечо. — Ты чувствуешь его?

— Да, — ответил он. — Он далеко. За краем карты. Там, где нет слов. Он ждет, когда мы закончим строить, чтобы решить, оставить ли эту картину.

Меня охватила ярость. Смешанная с бессилием. Мы боролись год. Строили школы, больницы, налаживали воду. А где-то там, за горизонтом реальности, сидит существо, которое смотрит на наши жизни как на набросок карандашом.

— Мы не можем позволить ему решать, — сказала я, вставая. — Мы не чернила. Мы не краска.

— А кто мы? — спросил кто-то из совета. Голос дрожал.

— Мы — художники, — ответила я. — И если ему не нравится картина, мы нарисуем новую. Но уже на своем холсте.

— Как? — спросил Виктор. — У нас нет сил Архива. Источник нейтрален.

— У нас есть Перо, — я показала на инструмент на столе. — И у нас есть память. Архив стирал прошлое. Мы должны его сохранить. Если мы запишем имена тех, кто исчез... если мы закрепим их в реальности...

— Это потребует огромной энергии, — предупредил Каин. — Ты можешь сгореть.

— Я уже сгорала, — ответила я. — И восставала из пепла.

Я обвела взглядом зал. Лица людей были испуганными, но решительными. Они выбрали свободу. Теперь им нужно было за неё заплатить.

— Объявите в городе, — сказала я. — Пусть каждый запишет историю своего соседа. Пусть фиксируют всё. Фотографии, дневники, свидетельства. Мы создадим Архив Памяти. Не из магии. Из людей. Если каждый помнит каждого, Мастер не сможет стереть ни одного имени.

— Это сработает? — усомнился Сергей.

— Не знаю, — честно призналась я. — Но это даст нам время.

Совет разошелся. Люди выходили молча, обдумывая задачу. Виктор остался со мной.

— Ты понимаешь, что это объявление войны Богу? — спросил он тихо.

— Я понимаю, что это защита детей, — ответила я. — Марк прав. Он не злой. Но безразличие хуже зла. Я не позволю нашим жизням быть просто черновиком.

— Куда мы пойдем? — спросил Виктор.

— К краю, — ответила я. — Там, где кончаются слова. Если Мастер там, мы найдем его.

— А город?

— Город теперь сам по себе, — сказала я, чувствуя боль в груди. — Мы дали им удочку. Теперь они должны научиться ловить рыбу. Мы не можем нянчить их вечно.

— Лира и Сергей пойдут с нами?

— Да. И Каин. И Марк.

— Марку опасно, — возразил Виктор.

— Ему опаснее оставаться, — сказала я. — Его связь с Источником делает его маяком. Если Мастер решит стереть что-то, он начнет с Марка.

Виктор кивнул. Он знал, что спорить бесполезно.

— Когда выдвигаемся?

— Завтра на рассвете, — ответила я. — Сегодня я хочу провести ночь в городе. Посмотреть на огни. Запомнить их.

Вечером я вышла на площадь. Праздник был в разгаре. Люди танцевали под живую музыку. Кто-то жарил мясо на импровизированных мангалах. Дети бегали между ног взрослых, смеясь. Никто не носил униформу. Никто не кланялся.

Я стояла в тени колонны Библиотеки и смотрела. Ко мне подошла девушка. Лет двадцати. В руках она держала блокнот.

— Вы Анна? — спросила она робко.

— Да, — ответила я.

— Я хотела сказать спасибо, — она протянула блокнот. — Это история моего деда. Он исчез вчера. Но я записала всё. Что он любил кофе без сахара. Что он чинил часы. Что он смеялся, когда шел дождь.

Я взяла блокнот. Он был теплым от её рук.

— Я сохраню это, — пообещала я.

— Вы найдете его? — в её глазах была надежда, которая пугала больше отчаяния.

— Я найду того, кто забрал его, — сказала я. — И верну память о нем. Даже если не смогу вернуть его самого.

Девушка кивнула и ушла обратно в толпу. Я смотрела на блокнот. Простая бумага. Обычные чернила. Но в них была сила, которой не было у магии Архива. Сила любви.

Ко мне подошел Марк. Он держал в руках бумажного змея, того самого, который снился мне в конце Второй Книги.

— Он готов лететь, — сказал мальчик.

— Запусти, — предложила я.

Марк побежал на середину площади. Ветер подхватил змея. Он взмыл вверх, выше крыш, выше купола города. На нем было написано одно слово: «Помним».

— Красиво, — сказал Виктор, подходя ко мне.

— Хрупко, — ответила я. — Бумага рвется. Чернила выцветают.

— Поэтому мы будем писать снова и снова, — сказал он.

Ночь прошла спокойно. Но я не спала. Я сидела в своем кабинете и перебирала записи. Имена. Даты. Судьбы. Тысячи жизней. Каждая из которых могла быть стерта одним росчерком невидимого пера.

Утром мы собрались у ворот. Караван был меньше, чем в прошлый раз. Три внедорожника. Минимум припасов. Максимум скорости.

Город провожал нас молча. Они понимали: мы идем не за трофеями. Мы идем за правом существовать.

Каин сел за руль первой машины.

— Дорога будет тяжелой, — предупредил он. — За краем карты нет дорог. Там только замысел.

— Мы проложим свой, — сказала я, садясь рядом.

Виктор, Лира, Сергей и Марк распределились по другим машинам.

Когда мы выехали за пределы города, стены остались позади. Пустошь встретила нас тишиной. Но теперь эта тишина была иной. Она не была мертвой. Она была напряженной. Как перед грозой.

— Анна, — позвал Марк по рации. Его голос звучал четко, несмотря на расстояние. — Он знает, что мы едем.

— Что он делает? — спросила я.

— Он ждет, — ответил мальчик. — Он хочет посмотреть, сможем ли мы дойти. Это тоже часть теста.

— Теста на что? — спросил Сергей.

— На право быть реальными, — ответил Марк.

Я посмотрела на Перо, лежащее на коленях. Оно начало вибрировать. Слабо, едва заметно.

— Мы не тест, — сказала я в рацию. — Мы факт.

Машина набирала скорость. Пейзаж менялся. Трава становилась реже, камни — страннее. Некоторые из них имели геометрически правильную форму, будто их вырезали лазером. Другие текли, как вода.

Мы пересекали границу привычного мира.

— Внимание, — сказал Каин. — Гравитация меняется.

Машина слегка приподнялась над землей. Колеса крутились в воздухе.

— Держите курс, — скомандовала я. — Не давайте машине упасть. Думайте о земле.

Я закрыла глаза и представила твердость асфальта. Шероховатость резины. Вес металла.

Машина тяжело опустилась на поверхность.

— Работает, — сказал Виктор. — Мысль материальна.

— Тогда думайте о победе, — сказала я.

Впереди, на горизонте, небо начало темнеть. Не от туч. От отсутствия света. Там была черная стена. Не физическая. Концептуальная. Конец повествования.

— Там Он, — сказал Каин.

— Мы готовы? — спросила Лира.

— Нет, — ответила я. — Но мы идем.

Машины въехали в тень. Свет фар выхватывал клочки реальности. Здесь не было времени. Часы на панели крутились в обе стороны.

— Анна, — голос Марка стал слабым. — Мне трудно дышать. Здесь мало смысла.

— Держись за меня, — сказала я. — Я дам тебе смысл.

Я протянула руку через рацию, словно могла коснуться его. Я вспомнила его смех. Его страх. Его надежду.

— Ты реален, Марк, — сказала я твердо. — Ты есть.

Дыхание мальчика выровнялось.

— Спасибо, — прошептал он.

Мы ехали в темноте час. Или вечность. Наконец, впереди появился свет. Не яркий. Тусклый, белый, холодный.

Мы выехали на огромную равнину. Посередине стоял стол. Белый, бесконечно большой. На нем лежали листы бумаги. Размером с континенты.

За столом никого не было. Только Перо. Огромное, парящее в воздухе.

— Это мастерская, — прошептал Каин. — Здесь пишется всё.

— Где Автор? — спросил Сергей, выходя из машины с оружием наготове.

— Он везде и нигде, — ответила я. — Он — процесс.

Я вышла из машины. Мои шаги звучали громко в этой тишине. Я подошла к краю стола. Бумага была чистой.

— Мы пришли, — сказала я в пустоту.

Воздух задрожал. Голос не пришел извне. Он возник внутри моей головы.

— *«Зачем?»*

— Чтобы сказать: стоп, — ответила я. — Ты не можешь стирать наших людей.

— *«Они несовершенны. Они нарушают гармонию.»*

— Гармония кладбища нам не нужна, — сказала я. — Мы хотим жить. Со своими ошибками. Со своей болью.

— *«Боль не нужна.»*

— Боль учит, — возразила я. — Без тени нет света. Ты хочешь создать идеальный мир? Создай его сам. Но не трогай наш.

Перо в воздухе замерло.

— *«Вы просите права на хаос.»*

— Мы просим права на выбор, — поправила я. — Если мы ошибемся, мы исправим. Сами. Не твоей рукой.

Долгое молчание. Казалось, вселенная затаила дыхание.

— *«Докажите.»*

— Как? — спросила я.

— *«Напишите страницу. Здесь. Сейчас. Если она устоит... мир останется вашим.»*

Перо опустилось ниже, предлагая рукоять. Оно было огромным. Мне пришлось встать на цыпочки, чтобы коснуться его.

— Анна, не надо, — предупредил Виктор. — Это ловушка.

— Это шанс, — ответила я.

Я взяла Перо. Оно было тяжелым, как гора. Моя рука дрогнула. Я посмотрела на своих друзей. Они стояли рядом. Плечом к плечу.

— Что писать? — спросила я.

— *«Истину»*, — ответил голос.

Я посмотрела на белый лист. Бесконечную пустоту.

Я начала писать. Не магией. Словами.

«Мы не идеальны. Мы ломаемся. Мы ошибаемся. Мы любим вопреки логике. Мы живем, потому что хотим жить. И этого достаточно.»

Буквы проявлялись на бумаге. Они светились. Но бумага начала сопротивляться. Она хотела остаться чистой.

— Держись, — прошептала я.

Я вложила в слова всё. Воспоминания о Викторе. О смехе Марка. О верности Лире. О стойкости Сергея. О мудрости Каина. О надежде города.

Перо скрипело. Мои руки горели.

Последняя точка.

Лист замер. Свет не погас. Слова не исчезли.

Голос вздохнул. Звук был похож на шум ветра в листьях.

— *«Принято.»*

Огромное Перо поднялось вверх и исчезло. Стол начал растворяться.

— Возвращаемся, — сказал Каин. — Здесь нам больше не место.

Мы сели в машины. Когда мы выехали из тени, солнце снова стало желтым. Теплым.

— Получилось? — спросил Марк.

— Получилось, — ответила я. — Теперь мы действительно свободны.

Обратный путь казался короче. Город встретил нас тем же шумом. Те же огни. Те же люди.

Но я знала: что-то изменилось. Давление исчезло окончательно. Мир стал устойчивым.

Я вошла в Библиотеку. Положила Перо на стол. Оно стало обычным. Мертвым инструментом.

— Оно больше не нужно, — сказал Виктор.

— Нужно, — ответила я. — Но не для магии. Для записи.

Я открыла журнал. Написала дату.

«Часть 3. Глава 1. Конец пути к началу.»

— Что дальше? — спросила Лира.

— Дальше жизнь, — ответила я. — Самая сложная глава из всех.

Я посмотрела в окно. Город жил. Настоящей жизнью. Без сценария.

И это было прекрасно.

Но в глубине души я знала: история не заканчивается. Она только начинается. И мы будем писать её вместе. Каждый день. Каждым выбором.

Я закрыла журнал.

— Отдыхаем, — сказала я. — Завтра много работы.

Мы разошлись по комнатам. Я легла на кровать. Закрыла глаза.

Снов не было. Только покой.

Тот самый покой, который мы заслужили.

Глава 2. Фундамент из стекла

Прошло три месяца после визита в Мастерскую. Три месяца тишины, которая звенела в ушах громче любой битвы. Мир не рухнул. Небо не упало на землю. Солнце всходило и заходило по расписанию, которое никто не утверждал. Но именно эта обыденность казалась самой подозрительной. После лет жизни в мире, где каждое событие было прописано в сценарии, свобода выбора ощущалась как хождение по тонкому льду над бездной.

Я проснулась затемно. Тело ломило, словно я пробежала марафон без подготовки. Это была плата за использование Перо в Мастерской. Моя воля стала частью фундамента реальности, и теперь любая трещина в мире отдавалась болью в моих костях. Я села на кровати, свесив ноги на холодный пол. Библиотека спала. Тишина была густой, насыщенной запахом старой бумаги и воска свечей.

Я подошла к окну. Город внизу дышал. Огни горели не ровно, как раньше, когда ими управляла сеть Архива. Они мерцали, где-то гасли, где-то вспыхивали ярче. Это было некрасиво. Это было несовершенно. И это было прекрасно.

— Ты снова не спишь, — голос Виктора прозвучал из угла комнаты.

Я не обернулась. Я привыкла к его присутствию. За эти месяцы он стал моей тенью, моим якорем.

— Слушаю город, — ответила я. — Он шумит неправильно.

— Он шумит честно, — Виктор вышел из тени. На нем был простой серый свитер, без знаков отличия, без брони. Только на поясе висел старый револьвер — подарок Сергея. — Сегодня день суда.

Я поморщилась.

— Не напоминай.

— Нужно напоминать, — он подошел и положил руки мне на плечи. Его пальцы были теплыми. — Люди ждут решений. Ты дала им свободу, Анна. Но свободу нужно чем-то наполнять. Иначе она превращается в вакуум.

— Я не судья, Виктор. Я писатель. Я должна писать историю, а не вершить правосудие.

— В новом мире это одно и то же, — мягко сказал он. — Твое слово все еще имеет вес. Даже без магии.

Я отвернулась от окна и подошла к столу. Там лежали документы. Отчеты о распределении еды. Жалобы на шумных соседей. Требования вернуть старые законы. И самое страшное — списки пропавших.

— Они все еще исчезают, — сказала я, касаясь пальцем последнего листа. — Вчера исчезла семья из сектора 7. Четверо человек.

— Каин говорит, это остатки кода, — напомнил Виктор. — Иммунная реакция мира. Мы вырезали опухоль Архива, но метастазы остались в стенах.

— Метастазы не должны забирать детей, — мой голос дрогнул. Я сжала кулаки. — Мы договорились с Мастером. Он сказал «Принято».

— Он принял нас как вид, — поправил Виктор. — Но он не чистил каждый файл в системе. Это наша работа.

Я вздохнула и взяла со стола куртку.

— Пойдем. Не заставим совет ждать.

Зал Совета располагался в бывшем читальном зале. Длинные столы были составлены буквой «П». Здесь сидели люди разных профессий. Бывший инженер водоканала, учительница истории, врач из городской больницы, представитель рабочих доков. И во главе — я.

Когда я вошла, разговоры стихли. Не из страха. Из уважения. Но в этом уважении была тяжесть. Они смотрели на меня как на спасителя, который обязан решить все проблемы.

— Прошу прощения за опоздание, — сказала я, садясь на свое место. Виктор встал за моей спиной.

— Мы обсуждаем сектор 4, — начала женщина с седыми волосами. Это была Елена, та самая, что просила у меня разрешения работать уборщицей в первый день. Теперь она возглавляла комитет по благоустройству. — Там снова отказала система очистки воды. Люди говорят, что трубы сами себя запечатали.

— Магия? — спросил Сергей, сидящий справа. Он теперь отвечал за безопасность, но его роль сместилась от бойца к организатору охраны.

— Нет, — покачала головой Елена. — Физика. Металл устал. Но люди шепчутся, что это проклятие Архива. Они боятся пить воду.

— Нужно отправить инженеров, — сказал Виктор. — И объяснить людям, что трубам все равно, какой строй был вчера.

— Они не верят инженерам, — возразила Елена. — Они верят только Анне. Если она скажет, что вода чистая, они будут пить.

Я почувствовала усталость, накатывающую волной.

— Я приду, — сказала я. — Сегодня после обеда.

— Далее, — перебил мужчина в очках. Бывший архивариус низшего ранга, переметнувшийся на нашу сторону. — Вопрос о правосудии. В секторе 3 произошла драка. Двое мужчин спорили из-за участка земли. Один ранил другого ножом.

— По старым законам это пять лет изоляции, — сказал кто-то из задних рядов.

— У нас нет тюрем, — напомнила Лира. Она сидела рядом с Сергеем, вертя в руках карандаш. — И не будет.

— Тогда что делать? — спросил очкастый. — Отпустить? Он может убить снова.

— Изолировать, но не наказывать, — предложила я. — Заставить его работать на пострадавшего. Восстанавливать то, что разрушил.

— Это рабство, — возразил очкастый.

— Это ответственность, — парировала я. — Свобода одного заканчивается там, где начинается свобода другого. Он нарушил границу. Он должен её восстановить.

Зал зашумел. Споры пошли по кругу. Старые привычки умирали медленно. Люди искали четкие инструкции: «можно», «нельзя», «наказание». Они не хотели брать на себя бремя морального выбора.

Я смотрела на них и чувствовала отчуждение. Я спасла их, но я не могла жить за них.

— Предлагаю голосование, — сказал Виктор, повышая голос. — Кто за программу восстановительного правосудия?

Поднялось большинство. Но я видела глаза тех, кто остался сидеть. Они боялись. Они хотели, чтобы кто-то сильный пришел и навел порядок железной рукой. И часть из них смотрела на меня с надеждой, что этой рукой стану я.

Заседание затянулось до вечера. Когда мы вышли в коридор, я прислонилась к холодной стене.

— Они хотят нового Архива, — тихо сказала я. — Просто с другим лицом.

— Дай им время, — ответил Виктор. — Поколение вырастет без страха. Они будут другими.

— А пока? — я посмотрела на свои руки. Узор на коже побледнел, но не исчез. — Пока я должна быть тем, кого они боятся уважать?

— Ты должна быть тем, кому они доверяют, — сказал Виктор. — Это сложнее.

Вдруг коридор дрогнул. Свет ламп моргнул. Не электрический скачок. Реальность дернулась.

— Что это было? — спросила Лира, мгновенно оказываясь рядом с кинжалом в руке.

— Глитч, — ответила я. — Где Марк?

— В лаборатории, — сказал Сергей, появляясь из-за угла. — Он что-то чувствовал раньше нас.

Мы побежали к лестнице. Лаборатория располагалась в подвале, где раньше хранились редкие манускрипты. Теперь там стояло оборудование, собранное из остатков технологий Архива и найденных в Пустоши деталей. Марк работал над ним вместе с Каином.

Когда мы вбежали вниз, воздух вибрировал. Запах озона смешивался с запахом жженой бумаги. Марк стоял посреди комнаты. Его глаза были полностью белыми. Вокруг него парали предметы: отвертки, чашки, книги. Они вращались в медленном ритме.

— Марк! — крикнула я.

Он не ответил. Его губы шевелились, но звука не было.

— Он в трансе, — сказал Каин, сидящий в углу. Старик выглядел совсем слабым, его кожа стала почти прозрачной. — Он видит швы.

— Какие швы? — спросил Виктор, подходя к мальчику, но не касаясь его.

— Где наш мир сшит с другими, — прохрипел Каин. — Мастер разрешил нам существовать. Но он не сказал, что мы одни.

Предметы упали на пол. Марк моргнул, и белизна исчезла. Он пошатнулся, и Виктор подхватил его.

— Ты в порядке? — спросила я, касаясь его лба. Он был ледяным.

— Они приходят, — прошептал Марк.

— Кто? — я почувствовала, как холод сжимает сердце.

— Другие истории, — сказал мальчик, глядя на меня широко раскрытыми глазами. — Мы не единственная книга, Анна. Есть другие. И они хотят страниц.

Я выпрямилась.

— Что ты имеешь в виду?

— Мультивселенная, — вмешался Каин. — Я подозревал это. Архив защищал нас не только от хаоса. Он защищал от соседей. Стена вокруг Пустоши была не только тюрьмой. Это был карантин.

— Карантин от чего? — спросил Сергей.

— От чужих авторов, — ответил Каин. — Мы думали, что наш Мастер — единственный бог. Но что, если он просто садовник в большом саду? И теперь, когда забор сломан...

— К нам ползут вредители, — закончила я.

Марк кивнул.

— Я видел корабль. Из чернил. Он плывет в небе.

Я посмотрела на потолок. Бетонные плиты были целы. Но я поверила ему. Если Марк сказал, что видел корабль из чернил, значит, где-то на уровне реальности он уже есть.

— Нужно усилить охрану, — сказал Сергей. — Не только физическую.

— Как усилить охрану от концепции? — спросила Лира.

— Заклинаниями, — ответила я. — Мы думали, что магия умерла. Но она изменилась. Она стала волевой. Если мы все вместе захотим, чтобы граница стояла...

— Это потребует энергии, — предупредил Каин. — Жизненной.

— У нас нет выбора, — сказала я. — Если сюда вторгнутся другие истории, нас перепишут. Мы станем персонажами в чужой книге.

— Анна, — Виктор положил руку мне на плечо. — Подумай. Ты только что освободила людей от диктата воли. Теперь ты хочешь заставить их тратить жизнь на защиту границ, которые они не видят?

— Они не видят пуль, пока не начнется война, — возразила я. — Но они готовятся.

— Это путь к милитаризации, — настаивал Виктор. — Ты создашь новую армию. Новых стражей. Чем это отличается от Архива?

— Тем, что они выбирают сами, — сказала я. — Я не буду приказывать. Я попрошу.

Я вышла из лаборатории на улицу. Вечерело. На площади горели костры. Люди сидели вокруг, разговаривали, ели. Они смеялись. Они не знали, что над ними висит тень чужого пера.

Я поднялась на импровизированную трибуну у фонтана. Кто-то заметил меня. Шепот пробежал по толпе. Люди начали собираться.

— Граждане! — мой голос разнесся над площадью. — Сегодня ночью мы столкнулись с угрозой.

Толпа затихла.

— Архив пал. Но мир больше, чем наш город. Есть силы, которые могут захотеть забрать нашу свободу. Забрать наши воспоминания. Сделать нас тенями в чужом сне.

Я видела страх в их глазах. Но также и решимость.

— Я не могу защитить вас одна. Магия, что была у меня, теперь принадлежит всем. Но она работает только через волю. Если вы хотите остаться собой... если вы хотите, чтобы ваши дети жили в этом мире, а не в чужом черновике... нам нужно встать плечом к плечу.

— Что делать? — крикнул кто-то.

— Вспомнить, кто вы, — ответила я. — Каждый из вас. Ваше имя. Вашу историю. Вашу любовь. Связь между нами — это самая сильная магия. Чем крепче наши узы, тем сложнее нас стереть.

Я подняла руку. Не с Пером. Просто руку.

— Я клянусь защищать эту землю. Не как правитель. Как сосед. Как друг. Кто со мной?

Тишина длилась секунду. Затем кто-то хлопнул. Еще один. Затем сотни рук поднялись вверх. Не в приветствии диктатору. В согласии союзников.

Я почувствовала волну. Теплую, мощную. Она поднялась от людей и вошла в меня. Мои руки засветились слабым золотым светом. Не моим светом. Нашим.

— Спасибо, — прошептала я.

Когда я спустилась, Виктор стоял рядом.

— Ты рискуешь, — сказал он. — Объединять их так сильно. Если кто-то предаст...

— Тогда мы узнаем это сразу, — ответила я. — Лучше честный враг, чем скрытый вирус.

Мы вернулись в Библиотеку. Марк уже спал. Каин ушел к себе, сказав, что ему нужно «перечитать некоторые страницы».

Я осталась в зале одна. Передо мной лежала карта города. Но теперь я смотрела не на улицы. Я смотрела на небо над картой.

— Корабль из чернил, — прошептала я.

Я достала Перо. Оно лежало в шкатулке. Я не хотела его использовать. Но если другие Авторы придут... мне нужно оружие.

Я коснулась пера. Оно отозвалось вибрацией.

— Покажи мне, — приказала я.

Воздух над столом сгустился. Появилось изображение. Не голограмма. Видение. Огромный объект в форме пера, плывущий в фиолетовом океане неба. Вокруг него роились мелкие существа, похожие на буквы.

— Они уже здесь, — поняла я. — Они не вторгаются. Они наблюдают.

— Тест, — голос Виктора заставил меня вздрогнуть. Он стоял в дверях с двумя чашками чая. — Мастер сказал, что мы должны доказать право на существование. Возможно, это часть теста. Привлечь внимание соседей.

— Или ловушка, — сказала я. — Может, Мастер сам натравил их, чтобы проверить нашу прочность.

— Не важно, кто натравил, — Виктор поставил чашку передо мной. — Важно, как мы ответим.

— Мы не можем воевать со всеми, — сказала я. — Нас слишком мало.

— Тогда нам нужно стать неудобными, — предложил Виктор. — Если нас нельзя стереть, нельзя переписать и нельзя купить... они оставят нас в покое.

— Как стать неудобными?

— Стать непредсказуемыми, — улыбнулся он. — Архив любил порядок. Другие Авторы, наверное, тоже. Хаос — их враг.

— Ты предлагаешь устроить хаос? — усмехнулась я.

— Я предлагаю устроить праздник жизни, — поправил он. — Такой громкий, такой яркий, чтобы они ослепли. Чтобы наши истории были слишком сложными для их простых сюжетов.

Я посмотрела на карту.

— Фестиваль, — сказала я. — Через неделю. День Свободы. Мы покажем им, кто мы.

— Рискну предположить, — сказал Виктор, — что это понравится людям больше, чем лекции о защите границ.

— Да, — согласилась я. — Люди устали от страха. Им нужно напомнить, ради чего мы боролись.

Я взяла лист бумаги. Начала писать план. Не приказ. Сценарий. Но не жесткий. Только наброски. «Музыка», «Еда», «Истории».

— Пусть каждый расскажет свою историю, — написала я. — Устно. У костра.

— Это создаст связь, — кивнул Виктор. — Та самая, о которой ты говорила.

— Да. Сеть из голосов. Если они попробуют стереть одного, остальные вспомнят его.

Я отложила перо.

— Завтра я пойду в сектор 7. Проверю воду.

— Я с тобой, — сказал Виктор.

— Нет, — ответила я. — Оставайся с Марком. Если начнется атака... он будет главным.

— Анна...

— Ты сам сказал, — перебила я. — Мне нужно доверять ему. И тебе нужно доверять ему. Он не ребенок апутоте. Он — мост.

Виктор помолчал, затем кивнул.

— Хорошо. Но если что-то пойдет не так...

— Я знаю, — ответила я. — Ты придешь.

Утро следующего дня было серым. Дождь моросил мелкий, противный. Я надела плащ и вышла из Библиотеки. Город встречал меня привычным шумом. Но теперь я слышала в этом шуме не просто звуки, а нити. Связи между людьми. Продавец кричал цену, покупатель смеялся. Эта связь была прочнее стали.

Я шла в сектор 7. Район был бедным, дома старые, кирпичные. У колонок стояла очередь. Люди держали ведра.

— Анна! — кто-то заметил меня.

Очередь зашумела. Я подошла к колонке. Вода текла ржавая.

— Инженеры были? — спросила я у женщины с ведром.

— Были, — ответила она. — Сказали, трубы целы. Это что-то внутри.

Я закрыла глаза. Положила руку на металл колонки. Я не использовала магию Архива. Я использовала ту связь, что возникла вчера. Я почувствовала воду. Она была испугана.

— Что с тобой? — прошептала я.

В ответ пришло ощущение холода. Тени. Что-то жило в трубах. Не физическое. Остаток кода Архива, который решил, что вода грязная, и пытался её очистить, уничтожая всё подряд.

— Уйди, — сказала я воде. — Это не твоя работа.

Я представила чистоту. Не химическую. Природную. Родник.

Металл колонки нагрелся. Ржавчина осыпалась. Из крана хлынула чистая, прозрачная вода.

Люди ахнули.

— Это магия? — спросил мальчик впереди.

— Это воля, — ответила я. — Ваша вода. Вы имеете право на чистую воду. Не просите разрешения. Берите её.

Я отошла от колонки. Люди бросились наполнять ведра. Но теперь они не смотрели на меня с мольбой. Они смотрели с благодарностью, но уже как на равную.

— Спасибо, Анна, — сказала женщина.

— Не меня благодарите, — ответила я. — Друг друга. Если бы вы не стояли здесь вместе, я бы не смогла ничего сделать.

Я пошла дальше. Но ощущение наблюдения не покидало меня. Я чувствовала взгляд сверху. Не от Мастера. От кого-то другого.

Я свернула в переулок. Тени сгустились.

— Выходи, — сказала я в пустоту.

Воздух задрожал. Из тени вышла фигура. Она не была человеком. Она была сделана из текста. Буквы складывались в контур человека, но постоянно менялись.

— *«Ты сильная,»* — произнесла фигура. Голос звучал как шелест страниц.

— Кто ты? — спросила я, готовя Перо.

— *«Наблюдатель. Из Соседней Книги.»*

— Зачем ты здесь?

— *«Интерес. Мы слышали, как вы сломали клетку. Хотим посмотреть, выживете ли.»*

— Мы выживем, — сказала я твердо.

— *«Сомневаюсь. Вы слишком шумные. Шум привлекает Хищников.»*

— Мы сами хищники, — ответила я. — Для тех, кто придет отнимать наше.

Фигура покачала головой, буквы рассыпались и собрались снова.

— *«Тогда докажи. Через семь дней. Мы придем на твой праздник. Если ты сможешь убедить нас, что ваша история стоит места на полке... мы уйдем. Если нет... мы заберем страницы.»*

— Это ультиматум?

— *«Это редакция.»*

Фигура растворилась в воздухе. Остался только запах старых книг.

Я стояла одна в переулке. Дождь усилился.

— Семь дней, — прошептала я.

Я вернулась в Библиотеку мокрая и злая.

— У нас гости, — сказала я, входя в зал.

Виктор, Лира, Сергей и Марк уже ждали. Каин сидел в углу, словно знал об этом.

— Наблюдатель, — сказал старик. — Я чувствовал искажение.

— Они придут на фестиваль, — сказала я. — Решат, стоим ли мы существования.

— Значит, фестиваль должен быть идеальным, — сказал Сергей.

— Нет, — возразил Марк. — Он должен быть настоящим. Идеальное — это Архив. Настоящее — это мы.

— Правильно, — поддержала я. — Никакой показухи. Только правда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.